

Тётя Шура

В Праге стояла поздняя осень. Сквер возле дома погрузился в легкую дымку. Несмотря на всеобщую европейскую благоустроенность, кое-где топились печи и камины, натягивая на старый город легкий дымок, который, перемешиваясь с запахом пива, и создает этот неповторимый пражский аромат.

Ко всему этому очарованию я уже привык. Былая российская обостренность чувств несколько притупилась. Отсутствие резких жизненных поворотов притупляет шестое «кожное» чувство, свойственное общности людей, которая зовется российским народом.

Жизнь, пройдя через трудности и препятствия, как говорится, состоялась. И ежедневная прогулка у Вышеграда возле дома стала уже привычкой. Да, именно здесь когда-то и началась Прага. Несмотря на устроенную и неспешную жизнь, чувство любования и созерцания окружающего мира я не утратил.

Прогулка подошла к концу, постояв еще на травке в сквере напротив дома, вкушая эту дымку и осень, всеобщие размеренность и покой, исходящие от всего: от людей, птиц, домов, я направился к подъезду. Он единственный в доме. Здесь все дома такие. Стоят, примыкая друг к другу, образуя очень длинный разноцветный дом с башенками на крайних домах.

Открыв ключом дверь подъезда, медленно поднимаюсь на свой пятый этаж. Лестница сверкает своей обыденной чистотой. Где-то выше слышны чьи-то старческие шаги. В нашем доме половина жителей – старики. Мирно и тихо доживают свой век.

Иду медленно и размеренно, но все же догоняю старушку. Мой взгляд упирается в синие несуразные штаны с полосами влаги сверху вниз. В нос бьет резкий запах застоявшейся мочи, а в глаза бросается замызганная одежда обмочившейся женщины и общий дух давно немытого тела. Редкие для Европы запахи.

Обгоняю быстренько чью-то странную гостью и стрелой влетаю в свою квартиру. Вспышка молнии, и уютная квартирка уходит из реальности. Перед глазами мокрые штаны и в носу запах мочи. Я медленно начинаю погружаться в какие-то воспоминания. Бывают они простые и поверхностные, а бывают погружения в какое-то иное измерение, когда уходишь во что-то былое и вновь проживаешь прожитое, переосмысливая одни и те же события, которые уж не изменить. Но чувствуешь всё это по-новому, ведь с каждым годом меняется отношение к любому предмету.

Пражская реальность ушла, и я погрузился в своё детство, кожа моя стала «гусиной». Сибирь. Мне стало душно, ведь на улице жаркое лето. В семидесятые лето здесь было жарким, а зимы очень холодными.

Жили мы с матерью в маленьком провинциальном городке, который расположился вдоль быстрой и холодной реки Енисей. Это был даже не город, а большое, такое вытянувшееся вдоль реки поселение людей. Расхристанная пыльно-серая «архитектура» домов и сараев была отличительной чертой этого места. Но было детство, и всего этого я не замечал.

Главная радость – это речка, которую на лето перегораживали плотиной, и она разливалась, давая детворе возможность целыми днями купаться и загорать. И было «Счатъе» - как писали тогда в спаме, который с завидным упорством раскладывали по всем почтовым ящикам юные представительницы другой таинственной части человечества – девчонки. «Перепиши сто раз и будет тебе Счастье».... А счастье и так было, везде и всюду, и каждый день. Ведь детство...

Мы купались в теплой как молоко реке, лежали на зеленом травянистом берегу или на другом – песочном. Жгли костер и бегали за лимонадом. Почему-то он был невероятно желтым и вкусным.

Я жил далеко от речки. Мы собирались в небольшую стайку и шли, собирая попадавшихся по пути пацанов, купаться. Рядом с нашей мальчишеской целью – речкой жили мои двоюродные братья: Серега и Вовка. Серега был старше лет на пять, потому абсолютно неинтересен. А Вовка был мой одноклассник. Отец Вовки давно умер, это и был мой дядька. Кто он был, почему умер? Эти вопросы в девять-десять лет мало интересуют. Вовка был большеголовый крепкий такой парнишка, очень упрямый и добрый. Учились мы в одной школе, но он почему-то на год-два младше. Пацан с вовкиной улицы рассказывал, что он тоже раньше учился по два года в одном классе. А потом его перевели в самую лучшую школу по нашим представлениям, где за год можно закончить два класса, и домой ничего не задают. Школа-мечта. Став повзрослее, мы поменяли свое отношение к чудо-школе, покручивая у виска. А тогда... За год два класса – фантастика! Вовкин дом был последним на нашем пути к цели. Мы забегали за Вовкой и вот она - речка. Жил он в «щитовушке». Это такие очень временные по замыслу дома, которые строились на две-четыре квартиры из досок снаружи и внутри, а между досок всё засыпалось опилками. Строились дома на год-два для временного сибирского люда, который почему-то оседал. Дома обживались, обрастая всякими пристройками-надстройками, создавая неповторимую советско-сибирскую «архитектуру». Со временем «щитовушки» хорошо просыхали, и были изумительным топливом для пожаров, когда выгорали целые кварталы.

Жил Вовка с братом в такой однокомнатной «щитовушке» со своей матерью – тетей Шурой. О ней и поведу речь, ведь именно к ней и унесла меня волна своевольной памяти из пражской квартиры.

Тетя Шура была женщиной неопределенного возраста, лицо которой было абсолютно всё покрыто морщинами, и такими глубокими, что лицо, казалось, состоит из какой-то рвано-мятой бумаги. Громадный нос крючком и какие-то белесые, бесцветные глаза. На лице зиял рот, где торчали два кривых чёрных зуба и периодически изрыгалось какое-то подобие речи. Какие были у тети Шуры волосы - не помню, так как всегда на ней был какой-то головной убор. Зимой - мужская дешёвая цигейковая шапка, летом – какая-то аляповатая кепка. Страшнее женщины я в своей жизни не видел. Если было на земле воплощение Бабы Яги – это тетя Шура, со скрипучим, гавкающим голосом. Актер

Георгий Милляр со своей Ягой просто умер бы со стыда от сравнения.

Одета она всегда была в мужскую спецовку, чаще почему-то синюю, и мужские кирзовые сапоги. Маленькая, сухонькая уродка в шапке набекрень была всегда пьяна. Невозможно представить её трезвой. Но тетя Шура работала, умудряясь как-то прокормить двух сыновей и бича-сожителя Валеру. Работала она ассинезатором, или, как мы, пацаны, говорили – говночисткой, на машине-«пчёлке» с бочкой и большим шлангом, которым отсасывают дерьмо в септиках - побочный результат человеческой деятельности. Потом всё это дело отвозилось на какое-нибудь болото и выливалось.

Относилась тетя Шура к работе серьезно и ответственно, вставая в четыре-пять утра и уезжая на своей «служебной» машине. Каждый день, несмотря на непрерывную ежедневную пьянку.

Работа эта была неприемлема даже для бичей, которыми наш город кишел. Но Шура изо дня в день выходила на эту службу, и так из года в год.

В итоге она и хромой дядя Яша–«говночист» стали символами городка. Яша чистил деревянные общественные сортиры. Так и помнится его согбенная и пришлепывающая одной ногой фигурка с лопатой и кайлом (топор, приваренный к железному лому), бредущая в морозном тумане. Почему-то Яша встречался лишь зимой. Был, правда, еще один символ, более знаменитый, Федя–дурачок, забава для всех пацанов, так как умел петь пацанам всякие веселые замысловатые частушки.

Тетю Шуру же все пацаны боялись, хотя она никого не обижала, точнее, она никого не замечала. Ни сыновей, ни соседей. Уходила на заре и приходила уже пьяная, бросив на стол булку хлеба и еще что-то типа мойвы. Приносила с работы обязательно «вермута» или другой радости. Все это они распивали с Валерой-сожителем. После чего начинали переругиваться. Иногда бич бил Шуру. Но синяки на лице-морщине не могли появиться.

Так шли день за днем. Тик-так, тик-так...

Submit Я рос, и с годами личность тети Шуры стала восприниматься еще более зловеще. Фамилия была у неё какая-то странная – Кордас. Выросла она где-то на Ангаре. Несмотря на моё очень живое воображение представить её молодой девушкой я не смог, как ни пытался. Хотя не могла же она такой родиться. Но фантазия оказывалась бессильной.

Когда уже лет этак в четырнадцать в мою голову стали закрадываться первые философские вопросы, я задумался: «Какие мысли у тети Шуры ?» Спросив её об этом, получил в лоб каким-то неповторимо-непроизносимым матом, после чего оставил эти попытки понять.

Были ли у Шуры какие-то чувства и эмоции? Наверное, были, но пьяные. Она с «чувством» отреагировала на поступок старшего сына, которого достал бич Валера, и сынок всадил ему ножницы в живот. Тетя Шура посадила сынка на четыре года, которые стали лишь первыми годами в череде отсиженных. Больше сынка никто не видел. Видимо, жизнь по ту сторону оказалась лучше, чем на свободе.

Вовка тоже пошел сначала по этой части, но «карьера» его не удалась, и его «опустили». Выйдя на свободу, Вовка умер. Умер своей смертью от какого-то сердечного приступа. Тетя Шура тоже умерла, когда и как – не знаю.

Очень рано я начал самостоятельную жизнь, уехав в пятнадцать лет в Ленинград. Только там в этом в красивейшем месте - творении рук человеческих, любуясь на архитектурные шедевры, смог понять весь ужас «щитовушек» моего детства.

Много позже, глядя из окна машины, проезжая по детским местам, нашел в сохранившихся «щитовушках» и падающих заборах гармонию и красоту. Именно так.

Зачем и для чего этот рассказ?

Издредка всплывая в памяти, тетя Шура оставляла в голове одни и те же вопросы: «Для чего ты пришла на свет? Какую миссию ты исполняла?»

Ответов у меня не было.

Пройдя свой непростой и замысловатый жизненный путь, достигая вершин человеческой пирамиды и падая вниз, вновь взбираясь, я пытался осознать этот мир и понять не только явный, но и тайный смысл жизни любого человека. Многое мне удалось понять.

Но непонятое вернулось через обмочившуюся старуху, которая вернула меня в воспоминание о тете Шуре. «Так зачем же ты была на свете и для чего, тетя Шура?» И нет ответов...

Что ж, положимся на высшую силу, на то, что она скажет. Открываю в компьютере квартирный телефонный справочник Красноярска. Тыкаю наугад на какой-то телефон и звоню через скайп....

«Але, здравствуйте, Шура у телефона....» – ответил молодой женский голос.

«Э ??.....Здравствуйте. Знаете, Шура, я звоню вам из Праги, и у меня очень необычная и странная просьба.... Пожалуйста, не пытайте меня, зачем это и для чего. Если сможете - то сделайте, для вас это не будет сложно. Пожалуйста... Возьмите любую первую попавшуюся книгу и прочитайте мне первую фразу сверху на девятнадцатой странице.

Сможете?» - убедительно выстреливаю пулеметной очередью неведомой Шуре.

В ответ слышу какие-то звуки, потом шуршание страниц. И....

«Бабочка взмахнула крыльями, и мир изменился...» - слышу женский голос...